

Глава 49. Убийца

Острый кусок камня с треском ударил Е Чжэнвэня по голове. Краем ему рассекло лоб. Он дотронулся рукой — пальцы тут же стали красными от крови.

— Ай! — Он заметался, в панике роясь в жемчужине Нахай в поисках защитного артефакта. — Брат Линь! Брат Линь! С этой горой что-то не так!

Вся гора-лабиринт непрерывно дрожала, земля под ногами содрогалась. Похоже, разрушали её не снаружи. Скорее, внутри этой горы с самого начала скрывалась огромная формация, и теперь она была приведена в действие, чтобы разнести всё это место изнутри наружу.

— Ай-ай, больно! Нас ведь тут не похоронят заживо?

Фу Линцзюнь уже быстро писал в воздухе духовное послание. Закончив, он мельком посмотрел на рану у Е Чжэнвэня на лбу и равнодушно отвёл взгляд.

Е Чжэнвэню отчего-то показалось, будто в этом взгляде ясно читалось: «До чего же ты бесполезный».

Если же перевести глаза на демонически красивого юношу, сидящего у Фу Линцзюня на руке и даже не касающегося ногами земли, то того окутывал тонкий золотисто-красный свет, не подпускавший к нему ни песчинки, ни камушка. И в сравнении с ним сам Е Чжэнвэнь, весь в пыли и грязи, выглядел совсем жалко.

Оба, между прочим, были бесполезными. Так почему брат Линь не презирал именно это отродье?

— Плачь, извиняйся перед своим дядей и проси его прийти на утёс Жисы спасти тебя, — быстро закончил Фу Линцзюнь, добавив к посланию знак Хуай Чэньиня. Золотисто-красная духовная птица молнией рванула сквозь падающие камни.

Е Чжэнвэнь сразу сдулся:

— Но... но если дядя узнает, что я тайком пробрался на утёс Жисы, он меня точно до смерти изобьёт!

Фу Линцзюнь приподнял бровь:

— Или можешь подождать, пока он придёт забрать твой труп.

Камни сыпались всё гуще, пыль становилась всё плотнее.

Е Чжэнвэнь, весь уже серый от этой пыли, тут же сдался:

— Сейчас буду плакать!

Пока он лихорадочно отправлял Янь Цунси послание с просьбой о помощи, Хуай Чэнъинь на той стороне тоже получил письмо.

В нём был очень подробно нарисован путь от его нынешнего места до них самих. Каждая развилка была отмечена. Когда раньше пламя феникса следовало за духовной птицей к Хуай Чэнъиню, Фу Линцзюнь уже успел запомнить весь маршрут.

Отправив послание, он быстро огляделся. Волнение горы-лабиринта исходило не извне, а снизу. Стоило коснуться ногой земли, как ощущалась буйная сила, рвущаяся сломать печать и изнутри стереть это место с лица земли.

С того момента, как она начала накапливаться, до полного прорыва преграды оставалось примерно ещё час.

План изменился.

Теперь он не только не мог убить этих нескольких юнцов — ему ещё и нужно было уберечь их.

Фу Линцзюнь прикусил палец до крови и быстро начертил письмена на близлежащих каменных стенах. Символы растянулись примерно на чжан в ширину и в итоге замкнулись в квадратный барьер.

— Когда Хуай Чэнъинь и остальные доберутся сюда, останетесь внутри. Ни шагу наружу, — сказал он.

Е Чжэнвэнь растерянно моргнул.

— Брат Линь... а ты не останешься с нами?

Фу Линцзюнь не только не ответил — он ещё и коснулся не до конца зажившим пальцем его межбровья. От кончика пальца поползла слабая чёрная дымка. Лицо Е Чжэнвэня постепенно стало неподвижным, а взгляд — пустым.

— Ты не встречал меня в пещере и не видел его. Мы с тобой случайно столкнулись у горы-лабиринта снаружи, а после толчков разошлись. Ты лишь помнишь, что должен ждать здесь

своих спутников.

С каждым произнесённым словом тьмы в глазах Е Чжэнвэня становилось всё больше. Когда Фу Линцзюнь договорил, тело юноши обмякло, и он без сознания повалился прямо внутри барьера.

Цзян Тан крепче вцепился в одежду у него на плече:

— Он... живой.

— Просто знает слишком много, — понял Фу Линцзюнь, о чём тот хотел спросить, и потому объяснил уже после того, как этот бесполезный довесок отключился. — Не умрёт.

Цзян Тан понял, что он имеет в виду.

Е Чжэнвэнь случайно столкнулся с ними в пещере. Он увидел не только то, что Цзян Тан умеет принимать человеческий облик, но и другие способности Фу Линцзюня: молнии, сжигавшие целую завесу дождя, пламя феникса, кружившее в пещере. А в его представлении Линь Шэн не должен был владеть подобным, как и Сяо Бай не должен был превращаться в человека.

Раз он увидел это своими глазами, у него оставалось только два пути: умереть, сохранив тайну, или, как сейчас, потерять часть памяти. Фу Линцзюнь изменил немного, не повредив душу, и всё же оставил ему жизнь — ровно настолько, чтобы Янь Цунси успел прийти и забрать его.

Что до того, почему Фу Линцзюнь велел Е Чжэнвэню звать на помощь именно Янь Цунси и нисколько не сомневался, что тот, всегда державшийся рядом с Цзян Чаньюанем, всё же не знает секрета утёса Жисы, у Цзян Тана на это было несколько причин.

Во-первых, в тот день, когда Фу Линцзюнь залил Цзэян кровью, Янь Цунси сказал: «Я думал, ты убил родных и друзей из-за отклонения ци во время культивации. Тогда, пожалев твою юность, я не стал тебя добивать. Но теперь вижу: оставлять тебя в живых нельзя».

Тогда эти слова ужасно разозлили Цзян Тана — ему показалось, что праведный путь весь состоит из лицемеров. Но, остыв, он ещё яснее понял положение Фу Линцзюня.

Никто, кроме настоящего виновника, не знал, что за безумием Фу Линцзюня тогда стоял внешний контроль.

Цзян Тан не знал, почему Фу Линцзюнь считал этим человеком именно Цзян Чаньюаня. Но все события, что произошли потом, показывали: от него и правда тянутся все нити.

Если бы Янь Цунси знал о той грязной тайне, которую Цзян Чаньюань прятал на утёсе Жисы,

или даже сам участвовал во всём с самого начала, смог бы он так праведно, с поднятой головой, говорить Фу Линцзюню такие слова?

Конечно, можно было бы сказать, что у Янь Цунси просто толстая кожа и лгать ему не стыдно. Но окончательно убедило Цзян Тана ещё и нынешнее состязание Небесных Дарований.

С самой первой встречи Е Чжэнвэнь всё время жаловался, что Янь Цунси и семья хотят любой ценой запихнуть его на это состязание, чтобы он завоевал титул одного из пяти Небесных Дарований и прославил род. Наследник из знатного дома этого не хотел, потому и сбежал из дома, принявшись творить всякие безобразия. Лишь после того, как Фу Линцзюнь подстроил ему встречу с Шэн Исюэ и воспользовался красотой как приманкой, тот наконец сам решил участвовать.

Духовной областью в хребте Линчао, который сейчас служил охотничьей зоной, раньше как раз был утёс Жисы. Хотя при разделении охотничьей зоны сам утёс в неё не включили, разве позволил бы Янь Цунси своему вспыльчивому племяннику, который к тому же способен открыть утёс, получить шанс случайно наткнуться на собственную тайну?

Скорее всего, нет.

Будь Цзян Тан на месте Янь Цунси, он бы не то что подгонял Е Чжэнвэня участвовать в состязании — он бы, пожалуй, даже воспользовался своим положением и вмешался в выбор самой охотничьей зоны, лишь бы отодвинуть её как можно дальше от секрета.

Именно поэтому Фу Линцзюнь позволил Е Чжэнвэню позвать на помощь Янь Цунси, но не дал Хуай Чэнъиню или Шэн Исюэ обращаться к старшим их семей.

На данный момент можно было только с уверенностью сказать, что Янь Цунси с событиями тех лет не связан. А вот Хуай Шоусинь и Шэн Жолинь оставались под вопросом.

Что же до Ци Юаньлана, Цзян Тан был уверен: он заодно с Цзян Чаньюанем.

Иначе как объяснить, что едва Ци Цуньюй умер, как под утёсом Жисы тут же была приведена в действие большая формация?

— Сейчас... куда? — спросил он снова.

— Хочешь посмотреть представление? — отозвался Фу Линцзюнь.

Так говоря, он широким шагом шёл по содрогающейся горе-лабиринту, ничуть не колеблясь.

Цзян Тан никакого представления смотреть не хотел. Ему хотелось только живым выбраться

отсюда вместе с великим злодеем и снова вернуться к своему существованию солёной рыбы, где можно спокойно есть, спать и ждать конца.

Но сейчас, будучи всего лишь подвесным человеческим аксессуаром Фу Линцзюня, причём аксессуаром с силой «пять единиц в бою», права выбора он не имел. Если великий злодей идёт творить дела, ему остаётся только тащиться следом. Потому он и спросил из любопытства:

— Какое... представление?

Великий злодей, всё с тем же самым обыкновенным лицом, улыбнулся так надменно и вызывающе, что у Цзян Тана по спине пробежал холодок:

— Как насчёт того, чтобы заставить Цзян Чаньюаня убить Ци Юаньлана у всех на глазах?

Цзян Тан: «???»

Он тут ещё думал, как бы им самим выбраться живыми из горы-лабиринта, а великий злодей уже перешёл к мысли о контратаке?

* * *

Когда Е Чжэнвэнь снова открыл глаза, первое, что он увидел, — огромное от радости лицо Хуай Чэнъяня:

— Не умер! Он не умер!

Е Чжэнвэнь: «...»

Он сердито сел:

— Про кого это ты сказал — умер?

Голова у него жутко ныла, словно он обо что-то сильно ударился. Более того, он вообще не помнил, почему потерял сознание.

Оглядевшись, он увидел рядом не только Хуай Чэнъяня, Шэн Исюэ и Сун Цзиньяо, но ещё и Ци Е, который вообще-то не принадлежал к их команде.

— Нет, а вы чего тут смешались в одну кучу? — Е Чжэнвэнь лишился всех воспоминаний о времени, проведённом рядом с Фу Линцзюнем, и потому не помнил даже того, что видел Ци Цунъюя в водном зеркале.

Раньше он относился к Ци Е довольно неплохо. Но после того как тот раз за разом вставал на сторону Ци Цунъюя и шёл против них, очков симпатии заметно поубавилось. Теперь, увидев его, Е Чжэнвэнь ещё раз огляделся вокруг. — А где Ци Цунъюй?

Ци Е вдруг опустил голову.

Спустя мгновение глухо ответил:

— Потерялся.

— Это вы-то ещё и потеряться умудрились? — цыкнул Е Чжэнвэнь. — Ты же всё время должен был быть при нём. Это у нас с братом Линем ещё ладно, мы и правда разошлись...

Эти слова сорвались у него совершенно естественно. Ни единой тени сомнения в подправленной памяти у него не возникло.

А вот Ци Е только опустил голову ещё ниже и молчал.

Почему-то Е Чжэнвэню всё сильнее казалось, что с его видом что-то не так. Он незаметно окинул Ци Е взглядом с головы до ног и на секунду задержался на порванном рукаве на левой руке. Ткань там была разодрана так, будто её кто-то резко рванул. А на открывшемся предплечье проглядывали длинные царапины, будто оставленные ногтями.

Поймав на себе этот взгляд, Ци Е неловко убрал руку за спину.

— Откуда рана? — прямо спросил Е Чжэнвэнь.

В опущенных глазах Ци Е забурлило что-то тёмное. Он поджал губы и ответил:

— В этой горе бродит группа очень странных «людей». Завидев живого, они сразу нападают. Тогда я и получил эту рану.

Шэн Исюэ тоже поспешно кивнула, подтверждая его слова:

— Мы тоже их видели. Только что, когда шли по карте, которую нарисовал господин Линь, встретили Ци Е. За ним гнался один такой монстр. У него уже и зрачки были расфокусированы, но двигался он совсем как живой человек... Да, и ногти у них вот такой длины, чёрные-чёрные, точно ядом пропитаны.

За пределами барьера всё ещё сыпались песок и камни, стуча по прозрачной защитной стенке и скатываясь вниз с сухим треском.

Е Чжэнвэнь долго, не моргая, смотрел на Ци Е. А потом вдруг с преувеличенной жалобностью вскрикнул:

— Ай, всё, не могу, голова опять болит.

Он повалился на землю, но лежать там ему не понравилось, и потому он тут же смягчил голос и обратился к Хуай Чэнъиню:

— Чэнъинь, брат мой, умоляю, дай плечо, а? Мне бы хоть на минутку опереться.

С кровью на голове, оставшейся после удара камнем, он и правда выглядел очень жалко.

— Неженка, — закатил глаза Хуай Чэнъинь. Но тело у него оказалось честнее языка: он всё-таки подошёл, сел рядом и с важным видом хлопнул по плечу. — Ладно уж, опирайся.

Е Чжэнвэнь тут же привалился к нему.

И в тот же миг в ладонь Хуай Чэнъиню прилип бесшумный талисман, а сам Е Чжэнвэнь, понизив голос до едва слышного шёпота, произнёс:

— Ци Е лжёт. Это он убил Ци Цунъюя.

<http://bllate.org/book/17032/1639376>